

Трансформация Космоса: от Данте — или к иконе или к атомной бомбе

Павел В. Флоренский
Москва

1. Искусство – одна из важнейших частей магии, цель которой – трансформация дольного мира с помощью мира иного. Магия колдунов-рисунков и заговоров или магия белая – икон и молитвы. Икона – действительное свидетельство мира иного, которое, по мысли П.А. Флоренского, отражено в обратной перспективе, когда человек, находясь внутри храма, становится не только его центром, но и центром Вселенной, центром Мира Горнего.¹

Гимназический друг П.А. Флоренского Владимир Францевич Эрн (1881-1917), в статье «Природа научной мысли» предложил понятие о «тоносе науки» как о ее векторе развития. Он писал, что тонос родоначальницы астрономии – астрологии – в гадании по небесным светилам – «незаконном похищении у неба его тайн» – несет в себе элемент если не богоборчества, то «у Бога воровства».² Поэтому и противоречия, возникающие при развитии астрономии, где прямо заложен конфликт Неба и Земли, приобретают остроту, не адекватную конкретному смыслу спора. Действительно, споры вокруг правоты традиционной тогда геоцентрической системы Птолемея или гелиоцентрической системы, разработанной каноником, т.е. членом капитула епархиальной коллегии

1 П.А. Флоренский. *Иконостас // Богословские труды*. 1972. № 9.

2 В.Ф. Эрн. *Природа научной мысли: I. Постановка вопроса. Тонос науки. II. Науки и научное мировоззрение // Богословский вестник*. 1914. № 1. С. 154-73; № 2. С. 342-68.

Николаем Коперником, не касались догматики, а были вызваны тем, что астрологам показалось, будто гелиоцентрическая система подрывает их бизнес, а когда они перешли на расчеты по круговым орбитам Коперника, а потом по эллипсоидальным орбитам Кеплера, то успокоились.

Конфликт заложен глубже и переходит на уровень пересечения сего и иного мира, в плоскость религиозную, в вопрос, например, предопределения или свободного и случайного саморазвития, т.е. прикасается действительно к кардинальной проблеме мироздания: случайная ли пылинка человек или творение, созданное по образу Божию. Решительно вытеснившая одухотворенное Средневековье культура эпохи Возрождения (кстати, одного из самых кровавых периодов) и последовавшая за ней Реформация предпочитали отражать только видимый мир, наступила буржуазная цивилизация с ее культом денег, материальных ценностей и потребительства.

Святая Инквизиция, защищая Птолемееву систему, вела лишь арьергардные бои против разрушающих морали и культуры Нового времени. Такими же реликтами прошлого иконного пространства видятся Ватиканские фрески Рафаэля, где он свободно трансформирует перспективу. Но главные для доклада – строки, которые, быть может, не заметили современные ему читатели Дантова «Ада», видя в нем только политический памфлет. В заключительном параграфе работы «Мнимости в геометрии», о которой и идет речь в настоящей статье, П.А. Флоренский пишет:

Итак, припомним путь Данта с Вергилием. Он начинается в Италии. Оба поэта спускаются по кручам воронкообразного Ада. Воронка завершается последним, наиболее узким кругом Владыки преисподней... Но, когда поэты достигают приблизительно поясицы Люцифера, оба они внезапно переворачиваются, обращаясь ногами к поверхности Земли, откуда они вошли в подземное царство, а голову - в обратную сторону (Ад, песнь XXIII):

По клочьям шерсти (Люцифера) и коре лдяной,
Как с лестницы, спускалась тень Вергилия.
Когда же мы достигли точки той,
Где толща чресл вращает бедр громаду, —
Вождь опрокинулся туда главой
Где он стоял ногами, и по гаду
За шерсть цепляясь, стал всходить в жерло:

[...]

Как изумился я тогда в тревоге,
Пусть судит чернь, которая не зрит,

Какую грань я миновал в дороге

[...]

(строфы 74-94) (Перев. Д.И. Мина)

Миновал эту грань (которой и до сих пор эвклидовская «чернь не зрит»), т.е. окончив путь и миновал центр мира, поэты оказываются под гемисферой, противоположной той, «где распят был Христос»: они подымаются по жерлообразному ходу.

Мой вождь и я сей тайною тропую
Спешили снова выйти в Божий свет
И, не предавшись ни на миг покою,
Взбирались вверх — он первый, я во след,
Пока узрел я в круглый выход бездны
Лазурь небес и дивный блеск планет,
И вышли мы, да узрим своды звездны
(строфы 133-139).³

Спрошу: что это, дословная выписка из древних или средневековых книг или насыщенное конкретными деталями описание личного опыта? Быть может, не только фантазию описал Данте, а составил путевые очерки?

XV-XVIII вв. и, особенно, XIX в. стали временем становления идеи, что Человек стал главным фактором развития Земли, стал царем природы в век торжества науки. Но никто не догадывался, что следующим будет век XX-й. И наступило Новое Средневековье.

2. Идущее на смену цивилизации Нового Времени Новое Средневековье понимал и П.А. Флоренский, который называл себя последним человеком Возрождения и первым - Нового Средневековья. Вот как он предвидел грядущую переоценку достижений Нового Времени в статье «Итоги»:

Кое-что, разумеется, остается в моем хозяйстве в виде пережитков, как какой-нибудь брудершафт, пережиток причащения кровью друг друга. Была же когда-то сложнейшая и пышно разработанная система магического миропонимания, а потом обломки древневавилонской магии ютятся в глухой избе у полунормальной знахарки. Но основное русло жизни пойдет помимо того, что считалось еще так недавно заветным сокровищем цивилизации.

3 П.А. Флоренский. *Мнимости в геометрии*. М. 1922. Одно из современных изданий сопровождается послесловием Л.Г. Антипенко *О воображаемой вселенной Павла Флоренского* // П.А. Флоренский. *Мнимости в геометрии*. М. 1991.

Но ныне светом и молвой

Они забыты.⁴

Таково же и будущее возрожденской науки, но более суровое, более беспощадное, поскольку и сама она была беспощадна к человеку.⁵

Новое Средневековье началось с революций в искусстве, науке и социуме, с открытия А. Беккерелем радиоактивности – энергии, которая сохранилась с первых дней Творения, упала к нам, как крошки со стола Творца. Произошла революция в искусстве, особенно изобразительном. Одним из символов единства новой науки и нового искусства стал «Черный квадрат» Малевича, название которого не случайно совпало с «черными дырами» астрофизиков и с атомными бомбами, сброшенными, через менее чем полвека, на Нагасаки и Хиросиму. Но начало XX в. ознаменовалось возвращением человечества к Богу, когда открылась православная икона и русская религиозная философия. В свете бескомпромиссного противостояния этих начал и происходящего уничтожения культуры, в первую очередь церковной, работы П.А. Флоренского 1920-х годов, при кажущейся их академичности, были открытой бескомпромиссной борьбой за сохранение церкви. Посмотрите: «Троице-Сергиева Лавра и Россия»⁶ – защита монастырей, «Иконостас» – защита церковного искусства, «Имена»⁷ – защита имени и слова, «Философия культа» (1918)⁸ – одухотворение и защита биосферы. Напомним и о подвиге сохранения от надругательства Честной Главы Преподобного Сергия.⁹ П.А. Флоренский не мог этого не совершить, но он не мог не понимать, к чему это должно привести, но не отклонился от дарованного ему пути и не отрекся от сана священника ни на допросах, ни перед расстрелом.

3. В 1917 г. вышла работа А. Эйнштейна «Вопросы космологии и общая теория относительности», в которой ученый пришел к вы-

⁴ Измененные строки из первой части поэмы А.С. Пушкина *Медный всадник*: «Но ныне светом и молвой оно забыто...».

⁵ П.А. Флоренский. *Итоги* // *Вестник РХД*. 1974. № 111. С. 56-4. Вторично опубликовано в: *Эстетические ценности в системе культуры*. М. 1986. С. 122-32. Написана два месяца спустя после выхода *Мнимости в геометрии* 5 октября 1922 г.

⁶ П.А. Флоренский. *Троице-Сергиева Лавра и Россия* // П.А. Флоренский. *Сочинения*. М. 1996. Т. 2. С. 2-369.

⁷ П.А. Флоренский. *Имена* // П.А. Флоренский. *Сочинения*. М. 1999. Т. 3(2). С. 169-359.

⁸ П.А. Флоренский. *Философия культа (Опыт православной антропологии)* // *Собрание сочинений*. М. 2004.

⁹ Т.А. Шутова. *Обет молчания. Сокрытое чудо: святая тайна Лавры* // *Российская газета*. 5 декабря 1997. № 235/1845. С. 8-9.

воду: «пространство в целом можно приближенно представить в виде конечного сферического».¹⁰ В том же году нидерландский астроном Виллем де Ситтер (1872-1934) строит модель сферического шарового мира. В России эти идеи развивал, но по отношению к расширяющейся вселенной, А.А. Фридман в работе «О кривизне пространства» (1922 г.), вышедшей в Германии. Опираясь на следствия только что тогда разработанной теории относительности в свете возвращения к птолемеевой системе, П.А. Флоренский математически показал в 1922 г., что логично существование за пределами нашего иного мира, к чему независимо подошло и современное ему искусство. На языке математики Дантов космос есть Риманова замкнутая односторонняя гиперповерхность. При этом не только пространство, но и время замкнуто в себе. За гранью конечного мира, «которой и до сих пор эвклидовская “чернь не зрит”», находится Дантов Эмпирей. Развивая предположения П.А. Флоренского, некоторые ученые считают, что если скорость света будет преодолена, то возможны и межгалактические путешествия, и более глубокое проникновение в мир иной.

Параграфы 1-7 книги «Мнимости в геометрии» написаны П.А. Флоренским во время учебы на физико-математическом факультете Московского Императорского университета в 1902 г. Летом 1922 г. он написал параграф 9 – как отклик на 600-летие кончины Данте (14 сентября 1921 г.). В.А. Фаворский вырезал гравюру по дереву для обложки. Книга вышла 22 сентября 1922 г. Печатание книги было задержано цензурой, но после письма Флоренского в «политотдел» от 13 сентября 1922 г. «Мнимости» все-таки увидели свет.¹¹ В числе других работ П.А. Флоренского «Мнимости» становятся актом защиты Божественного Космоса.¹²

4. Дантово конечное пространство-время, порожденное средневековым представлением и замененное наукой бесконечным эвклидовым пространством и коперниковой системой мира, Флоренский возвращает средневековью. Привожу пересказ раздела из «Мнимостей»:

Современная научная мысль, совершенно неожиданно, приводит нас к Данте-Аристотелевой науке о началах сущего. Специальный принцип относительности утверждает, что не может быть скоростей больших скорости света $3 \cdot 10^{10}$ см/сек.

¹⁰ Альберт Эйнштейн и теория гравитации. М. 1979.

¹¹ П.А. Флоренский. В политотдел // Начала. 1993. № 4. С. 143-4.

¹² А.Н. Паршин. Путешествие Данте в Ад: поэзия, мифа и точность естествознания // П.А. Флоренский: Философия, наука, техника. Л. 1989. С. 17-19.

Это значит вовсе не невозможность скоростей равных и больших c , а лишь появление вместе с ними вполне новых, пока нами наглядно непредставимых явлений. Иначе говоря: при скоростях, равных c и тем более – больших c , мировая жизнь качественно отлична от того, что наблюдается при скоростях меньших c , и переход между областями этого качественного различия мыслим только прерывный.

Обращаясь к Птолемеевой системе, мы видим, что внутренняя область системы, где скорость суточного обращения тел вокруг неподвижной Земли не превышает скорость света, имеет радиус 300.000 км, на этом предельном расстоянии и за ним начинается мир качественно новый, область небесных движений и небесных явлений, – попросту Небо. Этот демаркационный раздел Неба и Земли не особенно далек от нас, и мир земного – достаточно уютен, иначе говоря, граница ее – между орбитами Урана и Нептуна. Результат поразительный, потому что им по Птолемею-Дантовому представлению, а граница мира приходится как раз там, где ее и признавали с глубочайшей древности.

На границе Земли и Неба длина всякого тела делается равной нулю, масса бесконечна, а время его, со стороны наблюдаемое – бесконечным. Иначе говоря, тело утрачивает свою протяженность, переходит в вечность и приобретает абсолютную устойчивость. Разве это не есть пересказ в физических терминах – признаков идеи, по Платону – бестельных, непротяженных, неизменяемых, вечных сущностей? Разве это не аристотелевские чистые формы или, наконец, разве это не воинство небесное, – созерцаемое с Земли как звезды, но земным свойствам чуждое?

Мы наглядно представляем себе, как, стянувшись до нуля, тело проваливается сквозь поверхность – носительницу соответственной координаты, и выворачивается через самого себя. Можно сказать, что пространство ломается при скоростях, больших скорости света, подобно тому, как воздух ломается при движении тел со скоростями, большими скорости звука. Эта область также реальна, постижима, а на языке Данта называется Эмпиреем. Так, разрывая время, «Божественная Комедия» неожиданно оказывается не позади, а впереди нам современной науки.¹³

5. В научной фантастике есть и апокалиптические построения, и обращение к иным мирам. И разверзается пропасть между путями современного искусства – разрушением и созиданием.

¹³ П.А. Флоренский. 1922, VII, 3/17. Сергиев Посад // *Мнимости в геометрии*. М. 1991

Независимые, параллельные озарения, а также отзвуки мыслей Флоренского можно найти в художественной литературе 1920-1930-х гг., когда авторы, строя пространство-время своих произведений, подошли к границе этого мира. Употребляя «и» с точкой, мы подчеркиваем утерянное в новом правописании различие между миром – отсутствием войны и миром – космосом.

В романе Е.И. Замятина «Мы» (1920 г.) гений-чудак говорит: «Да, да, говорю вам: бесконечности нет. Если мир бесконечен – то средняя плотность материи в нем должна быть равна нулю. А так как она не нуль – это мы знаем – то, следовательно, вселенная – конечна, она сферической формы. Вот мне только и надо – подсчитать числовой коэффициент и тогда...».¹⁴ Далее события развивались стремительно: сверху – по ступеням – топот. Героев схватили и подвергли «Великой Операции». Через семь лет – сомысленник и, как он говорил, ученик священника Павла Флоренского, Алексей Федорович Лосев писал: «Мир – совершенно определенная, счислимая величина».¹⁵ Знаменательно сходство идей и ситуаций романа Замятина не только с мыслями и идеями, но и с жизнью и судьбой Флоренского и Лосева, да и всего общества.

18 сентября 1923 г. Волошин писал из Коктебеля:

Глубокоуважаемый и дорогой отец Павел! Эти годы я часто и всегда с радостью соприкасался с Вашей мыслью. Последнюю весною вестью о Вас были «Мнимости в геометрии». Мысли Ваши о Дантовом миростроительстве были мне особенно ценны, и мне захотелось поделиться с Вами тем, чем я жил эти годы. Посылаю Вам тексты двух моих книг: Вторая – «Пути Каина. Трагедия материальной культуры» еще фрагменты. Особенно хочется мне, чтобы Вы прочли главу «Космос». Земля была недвижимым темным шаром.
Вокруг нее вращались семь небес,
Над ними небо звезд и первосилы,
И все включал пресветлый Эмпирей.
Из-под Голгофы – внутрь земли воронкой
Вел Дантов путь к сосредоточью зла.
Бог был окруженностью, а центром Дьявол,
Распаленный в глубинах вещества.¹⁶

¹⁴ Е.И. Замятин. *Избранные произведения*. М. 1990.

¹⁵ А.Ф. Лосев. *Диалектика мифа*. М. 1930; А.Ф. Лосев. *Миф. Число. Сущность*. М. 1994.

¹⁶ М.А. Волошин. *Средоточье всех путей*. М. 1989.

Писатель Н.Н. Русов рассказывал в Берлине о сенсации в «московских ученых кругах», которую произвела книга «Мнимости в геометрии». Русов ставил Флоренского в один ряд с Блезом Паскалем, Исааком Ньютоном и Георгом Кантором:

Скромный польский каноник, обдумывавший свое сочинение «De revolutionibus» в тиши монастырской кельи, в богобоязненном настроении, почти через пятьсот лет получил удар от такого же тихого, уединенного и богобоязненного человека, который у себя, в Сергиевом Посаде, в скромном домике, в заставленном книгами тесном кабинете, переворачивает миры, сидя за своим письменным столом в поповской скуфейке.¹⁷

Русов подчеркивает мировоззренческое значение этого переворота: «Земля из ничтожной пылинки мироздания превращается в центр Вселенной, ибо является и астрономическим ее центром. В такой Вселенной «смысл жизни становится яснее»».

6. Судя по «Письму в политотдел», Флоренский полагал, что его студенческое сочинение с приложением нескольких страниц, посвященных юбилею Данте, вызовет лишь частный интерес среди друзей и знакомых. Оказалось совсем не так. О неожиданном общественном резонансе свидетельствует галдеж унижительных выступлений и прямых доносов. Кроме того, теория относительности была тогда далеко не освоенной марксистами и нападки на нее слились с нападками на «Мнимости».

Напряженность столкновений свидетельствует о более глубоких вопросах, чем те, что лежат на поверхности. Быть может, поэтому при всей сложности и многообразии наследия П.А. Флоренского самые острые дискуссии возникли вокруг смысла его космологических построений, отнюдь не занимающих в его творчестве центрального места.

Так, В. Тер-Оганесян в рецензии «Назад к Птолемею» писал то, что сегодня выглядит как прославление, но в 1922 г. было доносом:

Но спрашивается, кто сей Павел Флоренский, который преподносит такие открытия? Из приложенного к книге списка научных трудов его видно, что он – автор 50 работ. До 1917 г. он оказывается интересовался такими темами, как «Служба Софии, Премудрости Божией», «Земной путь Богоматери» и т.д. Кроме того, в книге же есть указание на то, что содержание ее автор излагал студентам с кафедры Сергиево-Посадского

¹⁷ Н.Н. Русов. *Флоренский против Коперника* // *Накануне*. 1923. № 45.

института народного образования. Но самым замечательным является то, что Павел Флоренский в настоящее время занимает кафедру в б. Строгановском училище и зарегистрирован в Московской комиссии по улучшению быта ученых (Кубу) по списку математиков, состоит в третьей категории, как крупный, сложившийся ученый.¹⁸

Следующая рецензия принадлежала С.М. Городецкому - известному поэту Серебряного века, знавшему П.А. Флоренского лично. С.М. Городецкий вспоминал:

Осенью [1922 г.] я впился в книгу «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина. Первой моей пробой пера после ленинской учебы была злая рецензия на книгу Павла Флоренского... «Мнимости в геометрии». Кроме критики, ленинской по форме, в рецензии ничего по существу нет: «Достаточно перекувырнуться, и вы попадете на тот свет, в царство идей Платона».¹⁹

Статья Исаия Лежнева (Альтшулера) «О романе и о Всеобуче» направлена сразу против «ханаанских старичков»:

Недаром П.А. Флоренский в своей на шумевшей книге «Мнимости в геометрии» возвращается к птолемеевской теории, утверждает землю в центре мироздания, обосновывая свое учение на скользком математическом анализе и... цитатах Дантова «Ада». Это – новая книга старого человека... И наши ханаанствующие старички... хрипят, агонизируют, беспомощно двигают бледными и безмолвными губами, выходят в небытие.²⁰

Выходец из ортодоксальной иудейской семьи, Лежнев не мог не знать, что хананеи постигло истребление от израильтян: «А всю добычу городов сих и скот разграбили сыны Израилевы себе; людей же всех перебили мечом, так что истребили всех их; не оставили ни одной души».²¹ «Детей их, сделал оброчными работниками до сего дня».²² Ветхозаветные аллюзии звучат достаточно определенно.

¹⁸ В. Тер-Оганесян. *Назад к Птолемею. Рецензия // Под знаменем марксизма.* 1922. № 9.

¹⁹ С.М. Городецкий. *Жизнь неукротимая. Статьи. Очерки. Воспоминания.* М. 1984.

²⁰ И.Г. Лежнев (Альтшулер). *О романе и о Всеобуче // Россия.* 1923. № 7.

²¹ Нав: 11.14.

²² Цар: 9, 12-22.

Поношению теории относительности, лично Эйнштейна и всех, делающих из теории относительности «идеалистические» выводы, посвящена специальная книга.²³ Автор книги – Фридман, однокашник П.А. Флоренского по физико-математическому факультету Московского университета. Оказывается, «Эйнштейн виноват в попустительстве и в этом – классовое значение теории относительности, приведшей и самого Эйнштейна к поповщине». И подумать только: «Эйнштейн, не брезгующий до сих пор тем, чтобы время от времени играть на виолончели в синагоге, во время богослужения!». Понятно, что «в философском смысле теория относительности Эйнштейна есть действительно иудин поцелуй естествознанию!» Особенно много место уделено П.А. Флоренскому и А.Ф. Лосеву, которые «из-за махизма Эйнштейна открыли лазейку для религиозных «изысканий» вроде фантазий Флоренского». Объяснение полной неподвижности Земли, предложенное Флоренским, не годится, ибо оно «правда, очень приятно для защитников религии, но основывается не на теории относительности, а на какой-то собственной теории «выворачивания тел» (в том числе и мозгов Флоренского) через самого себя». Едва ли книга повлияла на авторитет недостижимого для Фридмана Эйнштейна, но вот для находящихся в СССР она была смертельно опасной.

Энергичным гонителем ученых в 1930-е годы был Эрнест Кольман, утверждавший «партийность в науке». Кольман отметил:

Такой черносотенный идеалист, как Лосев, в книге, вышедшей в Москве в 1927 г. («Античный космос и современная наука») ²⁴, ссылается на другого попа [А.Ф. Лосев не был священником. Прим. П.В.Ф.] Флоренского, на его книгу «Мнимость в геометрии». Здесь перед нами не только анекдот, хотя бы и действительно имевший место. Ведь эта книжка вышла при советской власти, и Флоренскому удалось совмещать ее написание с пребыванием на руководящей научно-исследовательской работе в органах ВСНХ.

Вероятно, вскоре после ареста П.А. Флоренского в ночь с 25 на 26 февраля Э. Кольман приступил к новой статье «Против новейших откровений буржуазного мракобесия», вышедшей 30 июня 1933 г. в журнале «Большевик»: «П.А. Флоренский – не просто рядовой поп, это ученейший воин черносотенного православия, махрово-

²³ В.Г. Фридман. *Теории относительности и антирелигиозная пропаганда*. М. 1932. Перед заглавием указано: «Центральный совет союза воинствующих безбожников».

²⁴ А.Ф. Лосев. *Античный космос и современная наука*. М. 1927.

го идеализма, беспросветной мистики».²⁵ Заметим, что теперь с этим трудно не согласиться с гордостью и благодарностью.

Позже Э. Кольман успешно боролся со «лженаукой – кибернетикой». В 1968 г. я оказался участником телепередачи о науке. Председательствовал Эрнест Кольман. После объявления моей фамилии мы встретились с ним взглядами. По-моему, он фамилию не забыл.

Напомним слова П.А. Флоренского о его отношении к развитию физики, написанные им жене из Соловецкого концлагеря 23-25 апреля 1936 г. (за полтора года до расстрела):

Ты пишешь, что я не принимаю участия в современных работах по физике. Но ведь это не только потому, что я не в Москве. Дух современной физики с ее крайней отвлеченностью от конкретного явления и подменной физического образа аналитическими формулами чужд мне. Я весь в Гете-Фарадеевском мироощущении и миропонимании. Современная физика есть квинтэссенция буржуазного мышления, и я даже не понимаю, почему в стране советской с нею носятся. Физика будущего должна пойти по иным путям – конкретного образа. Она должна пересмотреть свои основные позиции, а не расти путем заплат на мышлении явно изветшавшем. Нет, и в Москве я не принял бы участие в работах, в современных работах, по физике, а стал бы заниматься космофизикой, общими началами строения материи, но как она дана в действительном опыте, а не как ее отвлеченно конструируют из формальных посылок. Ближе к действительности, ближе к жизни мира – таково мое направление. Ведь не без причины я ушел в свое время в электротехническое материаловедение.²⁶

7. «Мнимости» – одно из трех выступлений П.А. Флоренского, имевших острый политический смысл и трижды приводивших его в Бутырскую тюрьму. Первое – проповедь против смертной казни, произнесенная в Московской Духовной академии 12 марта 1906 г. в день казни лейтенанта Шмидта, опубликованная без разрешения цензуры под названием «Вопль крови». Студент Флоренский из-за нее впервые попал в Бутырскую тюрьму. Второе выступление – «Мнимости в геометрии». Упомянутые рецензии на него были приложены к Сергиево-Посадскому делу 1928 г., по которому П.А. Флоренский снова попал в Бутырку. Третье вы-

²⁵ Э.Я. Кольман. *Против новейших откровений буржуазного мракобесия* // *Большевик*. 30 июня 1933. № 12.

²⁶ П.А. Флоренский. *Письма с Дальнего Востока и Соловков* // *Сочинения*. М. 1998. Т. 4. С. 730.

ступление - «Предполагаемое государственное устройство в будущем»,²⁷ написанное в Бутырской тюрьме в марте 1933 г. после подписания допросов. Он писал его, будучи абсолютно свободным человеком, ожидающим высшей меры наказания. В отличие от первых двух, это выступление полвека пролежало в архивах НКВД и пришло к нам в самом начале перестройки, тогда, когда оно, казалось, должно было быть востребованным. Увы, оно не было понято ни либералами, ни патриотами. Иные видели в нем оправдание диктатуры, но при очень внимательном изучении становится ясно: это манифест монархиста.

И икона, и модерн. Итак, закончился XX в., когда труды Флоренского стали общедоступными. В основе его философствования лежали поиски антиномий. Выявив их, он видел частные, современные данному моменту, противоречия. К чему же пришли мы в Третьем тысячелетии? С одной стороны, это глобализация, приход новой общечеловеческой этики, основанной в XIX в. на «правах человека», которые, как известно, были сформулированы в рабовладельческом государстве, где до того было вырезано коренное население. На основе этой морали стало возможным от имени мирового сообщества уничтожение или наказание целых народов и государств, при этом государств, чья история и культура насчитывают тысячелетия, а потому их земля наполнена памятниками культуры. Бомбежка Сербии и осквернение средневековых православных храмов, уничтожение буддийских скульптур в Афганистане, разрушение Багдада, разграбление его музеев и танкодром на месте Вавилона, хаос в Ливии, беспорядки в Египте. На очереди - Сирия и Иран. По прошествии первого десятилетия Третьего тысячелетия стали понятны цели этих событий. Нефть и деньги. Просто решили не отдавать долги и украсть вклады. Просто. С другой стороны, на землю пришли апокалиптические настроения, обращения к Богу, многотысячные очереди благочестивых православных в России, многие часы ждущих благодати прикоснуться к мощам Пантелеймона Целителя или к Поясу Богородицы. Это воссозданный храм Христа Спасителя, это тысячи храмов в России. Мир стал биполярен. Итак, идущий к нам из близкого прошлого культ денег, материальных ценностей и потребительства, - того, с чьим приходом началась борьба со Средневековьем в XV в. Уже век, как этому противостоит Новое Средневековье с культом духовного мира человека, обращенного к Богу. Позволю себе перефразировать название нашего собрания. Не дорога «от иконы к модерну», а две

27 П.А. Флоренский. *Предполагаемое государственное устройство в будущем // Литературная учеба*. 1991. № 3. Обращаю внимание, что статья вышла в 1991 г., во время августовского переворота и разрушения СССР.

сопряженные тенденции нашего времени. Путь к иконе и модерну через Дантов ад и «Мнимости» П.А. Флоренского.

Известно, что в годы работы над «Мастером и Маргаритой» Михаил Булгаков перечитывал «Мнимости». В математической и философской интерпретации П.А. Флоренским путешествия Данте с Вергилием он увидел обоснование последних глав.²⁸ Но ему же принадлежит одно из самых боговдохновенных и лирических мест романа «Белая гвардия» (1923-1924 гг.) Это парафраз слов П.А. Флоренского из тех же «Мнимостей» о том, что наш мир кончается где-то за Ураном, а дальше - «не звезды, а ангелы смотрят на нас»:

Последняя ночь расцвела. Во второй половине ее вся тяжелая синева, занавес Бога, облекающий мир, покрылась звездами. Похоже было, что в неизмеримой высоте за этим синим пологом у царских врат служили всеобщую. В алтаре зажигали огоньки, и они проступали на завесе целыми крестами, кустами и квадратами...

28 П.Р. Абрагам. *Павел Флоренский и Михаил Булгаков // Философские науки*. 1990. №7; Г. Кругова. *Гностический роман М. Булгакова // Новый журнал*. 1979. № 134; М.О. Чудакова. «И книги, книги...». *М.А. Булгаков // «Они пинали мою музу...» Книги в жизни и творчестве писателей*. М. 1986; B.A. Bestie, Ph.W. Powell. *Story and Symbol. Notes Toward a Structural Analysis of Bulgakov's «The Master and Margarita» // Russian Literature Triquarterly*. 1978. № 15; B.A. Bestie, Ph.W. Powell. *Bulgakov, Dante and Relativity // Canadian & American Slavic Studies*. Summer-Fall 1981. № 15; A. Barrat. *Between two Worlds. A Critical Introduction to «The Master and Margarita»*. Oxford. 1987; J.A.E. Curtis. *ww*. Cambridge. 1987; P. Rollberg. *Annäherung an Bulgakovs Metaphysik // Michail Bulgakov: Materialien zu Leben und Werk*. Leipzig. 1990.

